

АЛЕЙДА АССМАН

Забвение истории – одержимость историей

библиотека
журнала

АНТРОПОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИЯ

неприкосновенный
запас

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Алейда Ассман

**Забвение истории –
одержимость историей**

«НЛО»

2016

УДК 930.2
ББК 63.013

Ассман А.

Забвение истории – одержимость историей / А. Ассман —
«НЛО», 2016 — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-1314-0

Немецкий историк и культуролог Алейда Ассман – ведущая исследовательница политики памяти Европы второй половины XX века. Книга «Забвение истории – одержимость историей» представляет собой своеобразную трилогию, посвященную мемориальной культуре позднего модерна. В «Формах забвения» Ассман описывает взаимосвязь между памятью и амнезией в социальных, политических и культурных контекстах. Во второй части трилогии («1998 – между историей и памятью») автор прослеживает, как Германия от забвения национальной истории переходит к одержимости историей, сконцентрированной вокруг национал-социализма. Наконец, в «Истории в памяти» Ассман показывает, как на смену единому национальному нарративу XIX века приходят плюралистические и противоречивые подходы к прошлому в рамках «нового историзма XXI века». Индивидуальные биографии, семейные истории, романы, музейные экспозиции, а также мемориальная архитектура и исторические реконструкции событий приобретают особую роль в обострении конфликтов (меж)поколенческой памяти. Работы Алейды Ассман позволяют по-новому взглянуть на необратимые изменения, которые переживает западноевропейская культура после Второй мировой войны.

УДК 930.2
ББК 63.013

ISBN 978-5-4448-1314-0

© Ассман А., 2016

© НЛО, 2016

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Формы забвения [2]	9
Предисловие	9
Скрещение памятования и забвения	9
Техники забвения	13
Стирание	13
Прикрытие	14
Сокрытие	14
Умолчание	14
Переписывание (палимпсест)	14
Игнорирование	15
Нейтрализация	15
Отрицание	15
Утрата	16
Подходы к проблеме и работы предшественников	16
Семь форм забвения	18
Автоматическое забвение: материальное, биологическое, техническое	18
Сберегающее забвение – вхождение в архив	20
Селективное забвение – фокусировка и значение рамок памяти	23
Карающее (<i>damnatio memoriae</i>) и репрессивное забвение	26
Охранительное и совиновое забвение для защиты преступников	27
Конструктивное забвение – <i>tabula rasa</i> на службе новых начал в политике и биографиях	29
Терапевтическое забвение – оставить бремя прошлого позади	31
Резюме	32
Семь примеров	34
(Не)видимость памятников: Музиль, Алёша и Карл Люгер	34
Музиль	34
Алёша	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алейда Ассман

Забвение истории – одержимость историей

Aleida Assmann

Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit: Vom Umgang mit deutschen
Vergangenheiten nach 1945 – © A. Assmann, 2019

Formen des Vergessens (Формы забвения) – © Wallstein Verlag, Göttingen, 2016

Geschichte im Gedächtnis (История в памяти. От индивидуального опыта к публичному
инсценированию) – © Verlag C. H. Beck oHG, München 2014

© Б. Хлебников, составление, перевод с немецкого, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

Предисловие к русскому изданию

Среди нынешних потрясений, кризисов и конфликтов утреннее радио (25 июня 2019 года) порадовало хорошей новостью: «После пятилетнего перерыва России возвращают право голоса в Парламентской ассамблее Совета Европы». К новости добавлено напоминание: «Совет Европы со штаб-квартирой в Страсбурге является крупнейшей межгосударственной организацией на европейской территории. Созданный семьдесят лет назад, он объединяет 47 стран-участниц. Совет Европы следит за соблюдением прав 830 миллионов граждан».

Обычно СМИ стремятся возбудить людей, для чего предпочитают сообщения, вызывающие шок и тревогу. Но, судя по утренней новостной программе, дела могут обстоять и иначе. Отрадно слышать, что процесс эскалации противостояния способен пойти в обратном направлении. Чем же так важна сегодняшняя новость? Она свидетельствует о том, что полувековые усилия по достижению разрядки напряженности в отношениях между Востоком и Западом не были напрасными. Заключительный акт Хельсинкского совещания, подписанный в 1975 году, изменил политический климат Европы. Отныне политики сделали ставку не на конфронтацию и устрашение, а на меры, формирующие взаимное доверие. Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе подписали тридцать пять стран Восточного и Западного блоков. Этот акт обеспечивал надежность существующих границ и соблюдение прав человека. Не являясь международным договором, он содержал добровольно взятые на себя обязательства государств-участников, что позволяло политикам работать в условиях доверия и безопасности и предоставляло гражданам новые пространства свободы для мыслей и действий.

Нынешнее решение ПАСЕ, восходя к этой странице нашей истории, вновь наводит мосты там, где появились рвы или пропасть. Вспоминая об истории политической разрядки в отношениях между Россией и Германией, нельзя забывать и о том, что предшествовало ей, а именно о длительной истории вражды и об угрозе, исходившей от Германии. Вторая мировая война развязывалась с целью уничтожения европейских евреев, все немцы знают сегодня об этом, но не все немцы сознают, что она была еще и истребительной войной против поляков и русских.

Почему немцы до сих пор не сознают этого? Ответ я нашла в работах еврейского историка Джорджа Л. Мосса (1918–1999), вынужденного в юности эмигрировать из Германии. Мосс точно описывает, как после 1918 года создавался героический миф об «опыте войны», сыгравший позднее важнейшую роль в идеологии нацистского государства и мобилизации немцев для Второй мировой войны. Оксфордский историк Николас Старгардт задается в своей новой книге вопросом о том, почему немцы поддались тогда, а многие поддаются и до сих пор целенаправленному обману, который выдавал жестокую, колониальную, захватническую войну за войну оборонительную? Как немцы могли «считать себя патриотами страны, находящейся в опасности, будучи солдатами гитлеровской нации господ»?¹ Мосс отвечает на этот вопрос так: миф о Первой мировой войне сохранял свое определяющее коллективное воздействие и на период Второй мировой войны. Немецкие агрессоры видели себя защитниками родины от внешней вражеской угрозы. Политическая пропаганда насаждала для этого чувство угрозы, распаляла вражду немцев по отношению к русским. В этом мифе укоренились коллективные установки, действовавшие еще долгие годы после Второй мировой войны. Ведь холодная война сделала конфронтацию с Россией и враждебное отношение к ней государственной доктриной ФРГ, поэтому западным немцам приходилось ломать сложившиеся политические установки, чтобы стать подлинными демократами и изжить в себе ксенофобские настроения по отношению к Востоку. В 1951 году Конрад Аденауэр еще выражал подобные установки

¹ Stargardt N. Der deutsche Krieg 1939–1945. Frankfurt a. M., 2017. S. 32.

следующими словами: «Мы должны сделать для себя выбор между азиатским варварством и европейским христианством».

Я напомнила о долгой истории идеологически насаждаемой вражды между народами, чтобы показать, что многие немцы (особенно старшего поколения) так до конца и не сумели преодолеть ее. Именно в этом контексте я воспринимаю сегодняшнее известие о возвращении России в ПАСЕ. У нас идет затянувшийся спор по вопросу, является ли ислам частью Германии. Но не стоит вопрос, является ли Россия частью Европы. Разумеется, да, причем не только в географическом или геополитическом плане, но и по причине многовековых, тесных и разнообразных связей между Востоком и Западом Европы. После Вестфальского мира 1648 года Великое княжество Московское заняло прочное место в ансамбле европейских держав. Во времена Лейбница и эпохи Просвещения эти связи стали особенно близкими. Сюда следует добавить уникальность культурных контактов, ставших возможными благодаря взаимным путешествиям и переводам. Это то, что я называю «shared heritage» (совместным культурным наследием).

К сожалению, это ключевое понятие, предложенное Европейской комиссией в качестве девиза для 2018 года, объявленного Годом культурного наследия, используется в слишком узком смысле, селективно и применительно только к Европейскому союзу. Однако широкие научные исследования в области мемориальной культуры позволяют видеть в понятии «совместного культурного наследия» нечто большее, чем «знак качества», которым политики награждают самих себя; это – важный ориентир для ангажированных граждан, устанавливающих новые и широкие связи поверх национальных границ, руководствуясь мыслью Карла Ясперса: «истинно то, что нас объединяет». Самокритичное изучение мемориальной культуры указывает на то, что политические идеологии способны стереть из истории целые эпохи, погубив тем самым ценные сокровища общечеловеческой культуры. И наоборот, изучение мемориальной культуры позволяет восстановить в памяти долгую и богатую историю российско-германского культурного наследия, расширяя наши знания друг о друге и стимулируя взаимный интерес друг к другу. Образование, научные исследования, личные контакты и, прежде всего, переводы являются эффективным средством против политической эксплуатации культурного наследия. Поэтому я завершаю краткое предисловие благодарностью моему энергичному, неутомимому, замечательному другу и переводчику Борису Хлебникову.

Формы забвения ²

Предисловие

В Германии сформировалась мемориальная культура, связанная с убеждением, что забвение не может освободить немцев от исторического бремени Холокоста. Поэтому память занимает в нашей культуре центральное место, где она все чаще ассоциируется с этическим долгом. Против этого распространенного мнения протестует Ян Филипп Реемтсма: «Обязанность помнить, императивная семантика памяти... Но в чем состоит императив воспроизводства памяти? Памятование и забвение – свойства человеческой памяти, как таковые они не хороши и не плохи; обе эти способности лишь помогают справляться с жизненными обстоятельствами»³. Памятование и забвение сами по себе не хороши и не плохи, тут с Реемтсмой нельзя не согласиться. Однако забвение представляет собой нечто большее, нежели дефицитарный модус памятования. Оно значит гораздо больше, нежели очевидная слабость памяти и ее эпизодические провалы. Поэтому для того, чтобы составить себе представление о разнообразных формах и функциях забвения, необходимо задаться вопросами о психологических, социальных и политических условиях, в рамках которых люди помнят или забывают, а также об эмоциях, которые при этом мобилизуются или заглушаются.

Скрещение памятования и забвения

Мы способны мыслить только посредством нашего языка, поэтому всегда располагаем лишь теми категориями и взаимосвязями значений, которые заданы словами нашего языка. Слово «забвение» обычно находится в четкой оппозиции к слову «памятование». Забвение является в этой паре антиподом и противоположностью по отношению к забвению, одно исключает другое. Противоположность забвения и памятования имеет определяющее значение для нашего мышления. Оба понятия тяготеют к порождению дальнейших оппозиций:

² Assmann A. Formen des Vergessens. Göttingen: Wallstein Verlag, 2016.

³ Reemtsma J. Ph. Wozu Gedenkstätten? // Politik und Zeitgeschichte. 2010. № 3 (25/26).

забвение – памятование

плохо – хорошо

просто – трудно

даром – дорого

быстро – медленно

бессознательно – осознанно

Подобная парадигма, встроенная в сам язык, объясняет, почему памятованию исследователи уделяют гораздо больше внимания и отдают больше усилий. Но не забыли ли мы, занимаясь развитием мемориальной культуры, изучением индивидуальной и коллективной памяти, о самом забвении?⁴

Отнюдь, забвение давно вернуло к себе внимание исследователей. Большой интерес вызвала статья Пола Коннертона «Семь форм забвения», открывшая в 2008 году первый номер журнала «Memory Studies». Энн Уайтхед заговорила в 2009 году о дискурсивном повороте в мемориальных исследованиях от памятования к забвению: «Это звучит парадоксом, однако забвение является важным, существенным элементом в дальнейшем развитии мемориальных исследований»⁵.

Одновременно мы отказались от представления, будто памятование и забвение являются собой идеально-типическую противоположность. Изучение забвения приводит к выводу о скрещении обоих понятий. Впрочем, подобный взгляд далеко не нов.

Существует барочная эмблема, наглядно демонстрирующая неразрывную взаимосвязь памятования и забвения⁶. Эмблема изображает открытую книгу, лежащую на облаке, что может удивить современного человека, рассматривающего эмблему, ибо она как бы предвосхищает одно из новейших средств электронного хранения информации (облачные ресурсы). Из облака идет дождь, который символизирует распространение знаний, содержащихся в книге. Однако лишь малая часть драгоценных капель попадает в узкогорлый сосуд, подставленный под книгу. Содержание книги нисходит с ее страниц, однако его рассеивание ведет к бесцельной растрате. Целью является память, которую символизирует узкогорлый сосуд. Изображение делает наглядными динамику и диалектику, которые свойственны памяти, где всегда не хватает места, чем и объясняется неразрывная взаимосвязь памятования и забвения. Суть эмблемы заключена в развернутой ленте: «Periit Pars Maxima» («Наибольшая часть утрачивается»).

⁴ Krümer S. Das Vergessen nicht vergessen! Oder: Ist das Vergessen ein defizienter Modus von Erinnerung? // Fischer-Lichte E., Lehnert G. (Hg.) Inszenierungen des Erinnerns. Berlin, 2000. Bd. 9. H. 2. S. 251–275.

⁵ Whitehead A. Memory. Critical Idiom Series. London, 2009. P. 154.

⁶ Henkel A., Schöne A. (Hg.) Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts. Stuttgart, 1967. S. 1387.

Эмблема, состоящая из изображения и надписи, иллюстрирует один из постулатов мнемотехники – науки, которая изучала возможности человеческой памяти и была вновь открыта в эпоху Ренессанса. Мнемотехника разрабатывала все новые и новые приемы, с помощью которых увеличиваются способность запоминания и сила памяти. Таким образом, эмблема содержит не только пессимистический диагноз относительно узких рамок человеческой памяти, но и обещание их расширить. Человек, прошедший обучение у виртуозов мнемотехники, сумеет расширить горлышко сосуда собственной памяти и упорядочить надежно сохраняемое содержимое, чтобы можно было легко отыскать и извлечь необходимое. Эмблема исполняла роль рекламного объявления, с помощью которого учителя мнемотехники превозносили в раннее Новое время свое искусство, дабы привлечь клиентов. Приписка предостерегает: «Все прочитанное и заученное наизусть мигом забывается, стоит лишь отвернуть голову от книги», если только не научиться у нас тому, как укрепить «мускулы памяти» с помощью систематических тренировок.

Несмотря на провидческое сочетание книги и облака, сама эмблема создана в то время, когда индивидуальная память, будучи тесно связанной с культурной памятью, имела другую значимость. Поэтому было так важно тренировать память. При этом тогда еще не считалось, что память можно использовать лишь функционально, в качестве подсобного инструмента, например чтобы сдать экзамен, а потом напрочь забыть сданный предмет. Зубрить, чтобы сразу забыть, – такое отношение к памяти совершенно противоположно признанию ее огромной ценности, которым она пользовалась от Античности до Нового времени и которое сконцентрировалось в изречении, цитируемом даже Кантом: «*Tantum scinus, quantum memoria tenemus*» («Мы знаем лишь столько, сколько храним в памяти») ⁷. Согласно этой традиции, память следовало наполнить солидным запасом сведений, авторитетных суждений и большим набором цитат. Но уже Монтень ставил под сомнение подобную традицию классической риторики, отдавая предпочтение свободной игре разума. Монтень не верил рекламным увещаниям мнемотехников и поэтому стал первым адвокатом забвения. Со времен Просвещения разум и память расстыковались и начали развиваться в разных направлениях.

Независимо от принадлежности к своей традиции и от своего культурно-исторического контекста эмблема дает нам представление о динамике памяти, динамике, в которой забвение и памятование тесно взаимосвязаны. То, что мы обычно считаем полярно противоположным, оказывается – из-за нехватки места и обусловленных этой нехваткой императивов памяти – сложным переплетением двух начал. Памятование столь тесно сопряжено с забвением потому, что они вместе определяют ритмы нашего сознания. То, что мы вспоминаем, должно было на время уйти с горизонта нашего сознания. Воспоминание не является прямым извлечением из памяти некоего знания (к чему стремились мнемотехники), а скорее напоминает «повторение» или «опознание» чего-то спустя некоторое время. Воспоминания приобретают весомость и значимость за счет преодоления временного интервала или некой фазы отсутствующего сознания: воспоминание возвращает нашему восприятию то, что ненадолго или на продолжительный срок не было предметом нашего внимания, знания или активного переживания. Высказывание американского писателя Амброза Бирса характеризует воспоминание и забвение как различные состояния нашего сознания: «Нечто прежде не осознаваемое вызывается памятью с некоторыми дополнениями» ⁸. В этом отношении примечательна мысль Фридриха Георга Юнгера, одного из первых исследователей забвения. Он предложил различать два вида забвения; один из них сопряжен с утратой, другой – с сохранением: «Забвение, которое сохраняет

⁷ Kant I. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht (1797). Ausgabe der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1902. Vol. VII. S. 184.

⁸ Bierce A. Das Wörterbuch des Teufels. Frankfurt a. M., 1980. S. 26.

мысль и позволяет вернуть ее для размышлений, можно назвать неосознаваемым сохраняющим забвением»⁹. Сохраняющее забвение – это латентная память.

Исходя из сказанного, нельзя представлять себе памятование и забвение лишь в качестве противоположностей, но нельзя и отождествлять их. Часто приходится слышать, что рутинные ритуалы повторения лишь потворствуют забвению. При малейших признаках рутинности, тривиальности или коммерциализации памятование осуждается как разновидность забвения. С особой осторожностью следует относиться к двум явлениям, известным в качестве невропатологий: абсолютной памяти и абсолютному беспамятству. Об опасности этих крайностей свидетельствуют как заключения медиков, так и фантастические истории, запечатленные в литературных произведениях и художественных фильмах. Полное стирание памяти происходит в случае болезни Альцгеймера; об обратном явлении – «total recall» – повествуют фильм с Арнольдом Шварценеггером в главной роли («Вспомнить все») и рассказ Борхеса «Фюнес, чудо памяти»¹⁰.

Память с ее различными видами скрещивания памятования и забвения колеблется между двумя крайностями: «все сохранить» и «все стереть». В промежуточных состояниях память открывает различные пространства для того, к чему она позднее возвратится вновь. Такие пространства можно представить себе в виде магазина с витриной, торговым залом и складом. И в памяти некоторые вещи оказываются более или менее доступными, наличными и готовыми к извлечению. Кое-что можно заметить на витрине, гораздо больше выставлено в торговом зале, еще больше убрано до поры до времени на склад, чтобы по запросу быть извлеченным оттуда. Эта наглядная пространственная метафора приводится лишь для того, чтобы лучше понять сложность понятия забвения и подчеркнуть существование различных градаций забвения. Одно бывает легкодоступным, поскольку имеет четкий адрес в хорошо организованной системе синапсов, другое нужно искать дольше или же просто ждать, пока оно само не объявится вновь; а многое оказывается утраченным навсегда. Интересно и парадоксально, что память одновременно служит своего рода монитором, позволяющим синхронно наблюдать и изучать процессы забвения. Святой Августин различал между частичным забвением, которое может быть замечено самим наблюдателем, и полным забвением, которое уже не позволяет вернуть из памяти забытое: «Забыли мы его, однако, не до такой степени, чтобы не помнить о том, что мы его забыли. Мы не могли бы искать утерянного, если бы совершенно о нем забыли»¹¹.

Память свободно управляет как воспоминанием, так и забвением, что включает в себя даже восприятие трудноконтролируемых движений между осознанием и неосознанностью. Вместо того чтобы считать памятование и забвение абсолютно противоположными или даже делать выбор в пользу одной из этих противоположностей, целесообразнее изучить промежуточное пространство между ними, а также формы их скрещения и пересечения. Подобный анализ сможет выявить дифференциацию градаций, оттенков, скользящих переходов между передним планом осознанного и задним планом неосознанного или бессознательного. Далее будет сделана попытка продемонстрировать динамику воспоминания и забвения в культурной памяти с ее различными институциями и фазами, а также с учетом действия как центростремительных сил сохранения и консервации, так и центробежных сил рассеивания и разрушения.

⁹ Jünger F. G. Gedächtnis und Erinnerung. Frankfurt a. M., 1957. S. 16–17. О понятии «латентного» см.: Gumbrecht H. U., Klinger F. (Hg.) Latenz. Blinde Passagiere in den Geisteswissenschaften. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. (А также: Гумбрехт Х. У. После 1945. Латентность как источник настоящего. М., 2018. – Примеч. ред.)

¹⁰ Lachmann R. Die Unlösbarkeit der Zeichen: Das semiotische Unglück des Mnemonisten // Haverkamp A., Lachmann R. (Hg.), Gedächtniskunst. Raum – Bild – Schrift. Studien zur Mnemotechnik. Frankfurt a. M., 1991. S. 111–145; Borges J. L. Die Bibliothek von Babel und Das unerbittliche Gedächtnis (Funes el memorioso) / Friedl Zapatero J. A. (Hg.) Stuttgart, 2008; Kis D. Die Enzyklopädie der Toten. München, 1986.

¹¹ Augustin (Augustinus). Bekenntnisse. Buch 10. Frankfurt a. M., 1987. S. 533. На русском см.: Аврелий Августин (Блаженный). Исповедь. М., 2007.

При этом будут рассмотрены три разных уровня и вида взаимосвязей. Во-первых, памятование и забвение происходят как в активном, так и в пассивном варианте, причем следует подчеркнуть, что архив с необходимостью активен по отношению к функции консервации, однако скорее пассивен по отношению к иерархии, действующей в культурной памяти. Во-вторых, приведенная схема указывает на разделение функций и взаимодействие различных институций. Музеи и библиотеки, гуманитарные науки (филология, искусствоведение, археология) работают как в сфере канона, так и в сфере архива. Схема отражает подвижность культурных объектов в поле напряжения между памятованием и забвением. Жизнедеятельность культурных объектов осуществляется между каноном, архивом и децентрализованными хранилищами. То, что попало в архив, может при переоценке или переосмыслении вернуться в канон, а артефакты, сохранившиеся под землей, могут быть возвращены в музеи археологами или палеоисториками. Пассивное забвение не окончательно; обнаруженные реликты могут опять попасть в хранилища или выставочные залы. Но это лишь отчасти справедливо для активного забвения. Того, что насильственно разрушено или сознательно уничтожено, уже не вернуть. Здесь остается лишь возможность рассказать или создать копию, чтобы вспомнить утрату и предотвратить полное забвение. Но предлагаемая схема не должна вводить в заблуждение, ибо и на нее распространяется смысл изречения: «Наибольшая часть утрачивается» (и это хорошо).

Динамика культурной памяти

Памятование		Забвение	
<i>Центростремительные силы</i>		<i>Центробежные силы</i>	
Почитание	Собирание	Рассеивание	Разрушение
<i>Активное</i>	<i>Пассивное</i>	<i>Активное</i>	<i>Пассивное</i>
Канон	Архив	Старение	Исчезновение
Священные и классические тексты	Исторические источники	Материальные следы	Время/снос/мусор
Отбор	Собирание	(Пре)небрежение	Отрицание/устранение
Формирование традиции	Хранилище	Устаревание	Распад, утилизация
Формирование идентичности	Историческое сознание	Реликты	Вандализм
Живое участие	Упреждающее сбережение	Латентность в децентрализованных хранилищах	Потеря, пробел
<i>Культурные институции:</i>			
<i>Музей</i> <i>Библиотека</i>	<i>Историография</i>	<i>Археология</i>	<i>Время, цензура, насилие, мусор</i>

Техники забвения

«Забвение» – это собирательное понятие, за которым стоят очень разные действия, методы и стратегии. Целесообразно дать наименования различным техникам, посредством которых совершается практический или символический акт забвения. Предлагаемый перечень не следует считать исчерпывающим.

Стирание

Радикальной техникой забвения является стирание оставленного следа. Это относится как к текстам или сообщениям, так и к материальным реликтам. Стертый след прекращает присутствие человека или события в памяти современников и потомков так же, как делает невозможным раскрытие преступления. Поэтому стирание служит наиболее радикальной формой окончательного разрыва связи между настоящим и будущим.

Прикрытие

Авишай Маргалит проводит различие между «стиранием» (blotting out) и «прикрытием» (covering up)¹². Если при стирании акт забвения становится абсолютным и необратимым, то прикрытие лишь удаляет проблему или инкриминируемое событие из сферы коммуникации. Каждый еще знает, что имеется в виду, это никем не забыто, однако утратило тот эмоциональный накал, который вновь и вновь разжигал конфликт между социальными группами, затрудняя их сосуществование.

Сокрытие

Зигмунд Фрейд считал тягу к сокрытию движущей силой забвения. Он называл ее вытеснением, объясняя вытеснение потребностью избавиться от чувства вины за проступок или постыдное деяние. Но сокрытие не решает проблему, а лишь усугубляет ее психологическую значимость. В истории культуры сокрытие играет иную роль. Ценные артефакты – например, предметы, опускавшиеся в древнеегипетские захоронения вместе с покойником, – тщательно прятались, а в результате позднее они доставались грабителям или, еще позднее, археологам. В каирской синагоге Бен Эзра существует «гениза» («схрон», «тайник»), где собраны литургические тексты, которые перестали использоваться в ритуальных целях. Наряду со свитками Торы здесь хранится и большое количество светских текстов на древнееврейском и арабском языках, дошедших до нас из глубины веков в качестве важных свидетельств истории еврейского народа.

Умолчание

Как в случае с прикрытием, умолчание не стирает из памяти тягостное событие, а лишь устраняет его из коммуникации. Прикрытие посредством умолчания носит конвенциональный характер и позволяет членам социального коллектива продолжить совместное существование, с уважением относиться друг к другу, то есть речь идет об акте нормализации социальных отношений. Однако помимо такой конвенции умолчание консервирует запретами (табу) социопсихологические травмы, что обуславливает возникновение бессознательных и неконтролируемых форм трагирования. Тогда замалчиваемое приобретает устойчиво латентную форму¹³.

Переписывание (палимпсест)

Переписывание (палимпсест) – это универсальная операция забвения, совершаемая сознательно или бессознательно на самом разном материале. Даже бездействие запускает процесс переписывания, когда, например, природа возвращает себе власть над местами исторических событий, будь то культовые сооружения, поля сражений и кладбища, или когда в городе происходит новая застройка поверх исторических слоев. Более целенаправленно переписывание осуществляется при перестройке архитектурных сооружений или при приспособлении их под другие функции, как это случилось с синагогой в Черновцах, которую переделали под кинотеатр. На палимпсесте, рукописном пергаменте, первоначальный текст соскабливался, вместо него наносились новые письма, но следы прежнего текста оставались и позволяли прочитать его; так и в исторических слоях сохраняются следы символических переписываний,

¹² Margalit A. The Ethics of Memory. Cambridge, Mass., 2002. P. 208.

¹³ По поводу понятия «латентное» ср.: «Латентное – это не будущее и не минувшее прошлое, это – актуальное „не-настоящее“ (Ungegenwärtigkeit)» (Khurana Th. Latenzzeit. Unvordenkliche Nachwirkung: Anmerkungen zur Zeitlichkeit der Latenz // Diekmann St., Khurana Th. (Hg.) Latenz. 40 Annäherungen an einen Begriff. Berlin, 2007. S. 143).

позволяющие разглядеть первоначальную структуру. Примером могут служить христианские церкви, построенные на месте античных храмов, или церковные праздники, которые являются своего рода «палимпсестом» языческих торжеств. Палимпсест играет важную роль в политической архитектуре, о чем свидетельствует пример берлинского Городского дворца, который после войны был взорван по решению властей ГДР, чтобы уступить место Дворцу Республики, но через шестьдесят лет тот сам стал жертвой реконструкции Городского дворца. В этом случае исторические слои уничтожались, однако память о них не стиралась в истории этого места в центре Берлина.

Игнорирование

Игнорирование исключает человека или предмет из поля внимания других людей; его перестают замечать и уважать. Игнорируемый человек или предмет пребывает в тени, он словно незрим; как поется в балладе Брехта о Мэкки-Ноже, если процитировать ее в вольном переводе, «видны только те, кто на свету, а тех, кто во тьме, не видно» («Und man sieht nur die im Lichte, Die im Dunkeln sieht man nicht»). В повседневной жизни внимание к игнорируемому человеку может быть немедленно возвращено, он даже может внезапно оказаться в центре всеобщего интереса. Внимание окружающих способно переключиться в любой момент, скажем, на памятник, который долгое время оставался в тени и был как бы незаметен из-за привычки всегда видеть его на своем месте, пока неожиданно снова не вызвал к себе всеобщего интереса. Если же игнорирование закреплено структурами культурного ранжирования ценностей и это ранжирование постоянно воспроизводится и традируется соответствующими институтами, то необходима переоценка ценностей, чтобы вернуть общественное признание, чтобы структурная амнезия исчезла, чтобы артефакт опять вошел в культурную память общества. Особенно это касается женщин-художниц. Никто не помнил имен замечательных импрессионисток Берты Моризо, Мэри Кассат, Евы Гонсалес и Мари Бракмон, пока их полотна не были показаны в 2008 году на выставке во франкфуртском музее Ширн, вызвавшей у публики большой интерес.

Нейтрализация

Понижение значимости определенного события или культурной практики осуществляется посредством когнитивных актов маргинализации, музеализации и историзации. Для этого должны существенно измениться интерпретативные и ценностные рамки, чтобы в обществе победили новые взгляды. Так, в разгоревшемся в 1986 году споре немецких историков речь шла о недопустимой историзации Холокоста, что было бы сродни его забвению. Нейтрализующее понижение значимости сопряжено с резким сдвигом в градации важности события или личности. Это ведет к тому, что канонизированные личности или события, которые оказали влияние на целое поколение и играли для него судьбоносную роль, воплощая собой священные символы и жизненно важные ценности, внезапно теряют свою фундаментальную значимость для общества и перемещаются из центра культурной памяти на ее периферию. Так, канонизированная фигура Ленина утратила после 1990 года свою власть над людьми в посткоммунистических странах.

Отрицание

Отрицание является противоположностью нейтрализации. Оно упорно сохраняет определенную личность или событие в памяти социальной группы, хотя и в негативном качестве. Отрицание требует постоянных деклараций и значительных усилий. Турецкие власти в той же мере не способны забыть о геноциде армян, как отрицатели Холокоста – о Холокосте,

поскольку им непрерывно приходится защищать собственную позицию от оппонентов. Один из них, фармацевт Жан-Клод Прессак, долго искал доказательства для своего отрицания Холокоста, а в результате стал первым исследователем, который, изучив систему газовых камер и крематориев, подтвердил их существование.

Утрата

С точки зрения индивидуума забвение воспринимается прежде всего как утрата. Знания или вещи, которые еще недавно были под рукой, являясь важной частью памяти и собственной жизни, неожиданно или постепенно оказываются утраченными. Психолог Даниэль Шактер связывает это чувство утраты с «мимолетностью» (transience) того, что хранится в памяти. Узелок на носовом платке является отчаянной попыткой противостоять этой инерции забвения. Здесь мы вновь возвращаемся к мнемотехнике, для которой, однако, действуют иные правила, нежели для памяти.

Подходы к проблеме и работы предшественников

Как время наносит урон материальным предметам, так забвение снашивает хранящиеся в памяти знания, умалчивает их и наконец вовсе сводит на нет. Мы не ощущаем время: мы можем измерить его, но не способны его наблюдать. Поэтому изучение забвения сталкивается с методической проблемой: как превратить эту отрицательную энергию в нечто измеримое; как описать ее, ускользающую от нашего внимания и сознания? Но к проблеме забвения возможны определенные подходы. Пока забвение не стало окончательным и сосуществует с памятованием, в памяти можно обнаружить следы забвения, уловить процессы и понять стратегии. К забвению в качестве процесса лучше подходить с двух сторон: воспользоваться возможностью наблюдать, как нечто погружается в забвение или же возвращается из него. Такие переходы исторически значимы, они воспринимаются с болью или радостью, поскольку этим затрагивается наше отношение к прошлому, к нашим знаниям, к окружающим нас людям, которое приходится пересматривать.

Индивидуальное и коллективное сознание функционирует по принципу контурного карандаша; оно вычерчивает контуры наших представлений о самих себе и формирует биографию. Поэтому, как писал Эрнест Ренан, то, что мы вместе забываем или хотим забыть, служит основой национальной идентичности¹⁴. В моей книге реконструируются социальные, культурные и политические контексты происходящего забвения. Я начинаю с обзора семи форм забвения. Обзор высвечивает широкий спектр мотивов, сопутствующих обстоятельств и процессов, благодаря которым нечто погружается в забвение или же возвращается из него. В зависимости от сопутствующих обстоятельств забвение приобретает негативный или позитивный характер. Оно может восприниматься как вред и потеря, бедствие или благо, что определяется контекстом, в котором мы имеем дело с забвением. Оно становится бедствием, если забвение наносит ущерб или уничтожает что-то ценное и важное, но оказывается благом, если забвение помогает упростить сложности, ограждает от темных сторон жизни. Забвение отсылает нас к эмблеме с узкогорлым сосудом. Оно отсеивает и убавляет, но этим делает гораздо более ценным и значимым то, что сохраняется в остатке.

При изучении динамики памятования и забвения в социальных и политических контекстах я имела возможность опираться на важные работы моих предшественников. К их числу относятся этнопсихологические исследования Марио Эрдхайма и психоисторические работы Лиотара, в которых рассматривается общественное и культурное производство бессознатель-

¹⁴ Renan E. Was ist eine Nation? (доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882) // Was ist eine Nation? und andere politische Schriften. Wien, 1995. S. 3.

ного¹⁵. В 1988 году Умберто Эко предложил в своем эссе остроумный подход к проблеме забвения с другой стороны¹⁶. Он задался вопросом, не может ли параллельно с искусством мнемотехники существовать нечто похожее на искусство забвения. Едва поставив этот вопрос, он тут же сам ответил на него. Нет, подобный проект немислим, ибо здесь имеет место перформативное противоречие. По мнению Эко, то, что привлекает к себе повышенное внимание, не может одновременно исчезнуть из нашего сознания. Однако Харальда Вайнриха это эссе не остановило, и спустя десятилетие он написал замечательную книгу под названием «Лета». Ее подзаголовок «Искусство и критика забвения» перекликался с эссе Умберто Эко. Высокая эрудиция позволила Вайнриху собрать литературные тексты разных столетий, посвященные размышлениям о забвении. При этом автор сумел показать, что по данной теме существует не только богатый исторический дискурс, но и сложившиеся культурные практики забвения¹⁷.

На рубеже тысячелетий наметились два интересных подхода к типологии забвения. Один принадлежит гарвардскому психологу Даниэлю Шактеру, другой – антропологу Полу Коннертону. Любопытно, что оба автора независимо друг от друга избрали для публикации своих результатов сходную форму. Их книги называются «Семь грехов памяти» (2001) и «Семь видов забвения» (2008)¹⁸. Мнемотехника учит, что хорошо запоминаются семь предметов или ключевых слов. Мы охотно пользуемся приемами мнемотехники и тогда, когда речь идет о забвении. Поэтому далее я сохраню сакральное число семь, чтобы охарактеризовать разные формы забвения. При этом я пересматриваю или расширяю представления о существующих категориях в надежде, что мои размышления не только помогут создать еще одну таксономию забвения, но и прояснят структурные взаимосвязи и напряжения между этими формами.

¹⁵ *Erdheim M.* Die gesellschaftliche Produktion von Unbewußtheit – Eine Einführung in den ethnopschoanalytischen Prozess. Frankfurt a. M., 1984; *Lyotard F.* Heidegger und Die Juden / Engelmann P. (Hg.) Wien, 2005.

¹⁶ *Eco U.* An Ars oblivionalis? Forget it! // PMLA. 1988. № 3 (103). P. 254–261.

¹⁷ *Lethe H. W.* Kunst und Kritik des Vergessens. München, 1998.

¹⁸ *Schacter D. L.* Seven Sins of Memory. How the Mind Forgets and Remembers. Boston, 2001; *Connerton P.* Seven Types of Forgetting // Memory Studies. 2008. № 1. P. 59–71.

Семь форм забвения

Автоматическое забвение: материальное, биологическое, техническое

Начну с фундаментальной асимметрии: не памятование, а забвение служит основным модусом жизни человека и общества. Памятование, являясь отрицанием забвения, означает, как правило, определенное усилие, сопротивление, протест против естественного течения времени и хода вещей. Подобно тому как в живом организме обновляются клетки, в обществе периодически заменяются объекты, идеи и индивидуумы. Эта трансформация кажется обыденной, естественной, а потому не вызывает особой тревоги. Следовательно, не памятование, а забвение воспринимается в качестве нормы для культуры и общества. Забвение происходит незаметно и повсеместно, а вот памятование является невероятным исключением, требующим особых предпосылок.

Приведу обычный пример забвения, которое для столкнувшегося с ним человека зачастую воспринимается как глубокое и болезненное переживание. В начале января 2010 года я получила электронное письмо: «К сожалению, после Рождества нам с Паулем пришлось оставить детей одних, так как 23 декабря скончался мой крестный отец, последний родственник из старшего поколения. Он жил один в большом доме своих родителей, куда уже десятилетиями никого не пускал, если не считать моих визитов один-два раза за год; на двух этажах он проводил химические эксперименты, а еще хранил все, буквально ВСЕ письма и прочие вещи (письма от родных, эмигрировавших в XIX веке, от братьев и сестер, погибших в годы Второй мировой войны, противогазы времен Первой мировой войны, рекламные издания, настоящие прорезиненные плащи фирмы „Клеппер“; подвалы были заполнены банками с вареньями и соленьями, заготовленными десятки лет назад...). Чтобы хоть как-нибудь пробираться через комнаты, где до потолка громоздились завалы писем, книг и журналов, нам с Паулем пришлось забить ими огромный контейнер. Тем не менее оказалось совершенно невозможно найти такие важные документы, как семейная книжка¹⁹. Наибольшая часть того, что составляет семейную память (даже боюсь сказать тебе это), лежит теперь в том самом контейнере. Меня преследуют сны о нем».

От всего того, что человек узнает или производит, от всей его прожитой жизни остается и передается дальше лишь самая малая доля. Фотография, брошка, предмет обстановки, семейный анекдот – вот и все (причем в лучшем случае), что доходит до внуков и правнуков из насыщенной событиями жизни предков. В семьях, дома которых были разбомблены, которым приходилось бежать, эмигрировать или совершать частые переезды, сохраняется мало реликтов прошлого. Но и те реликты прежней жизни, которые еще способны уцелеть в подвалах или на чердаках, будут рано или поздно отправлены в такой же контейнер. Избавление от наследия прошлого, происходящее при перестройке или сносе дома, может переживаться отдельным человеком болезненно и драматично, но с точки зрения общества, вообще не замечающего повседневных бытовых событий, все происходит незаметно и автоматически.

В этом тихом забвении взаимодействуют два фактора: социальное забвение и удаление материальных реликтов. *Социальное забвение*, подчиняющееся биоритмам поколений, совершается в виде регулярного обесценивания опыта старших поколений и замены его новым опытом. Каждое следующее поколение противопоставляет себя предшествующему, стремясь на

¹⁹ Семейная книжка вручалась раньше супругам при бракосочетании; она содержала сведения о членах семьи, например о рождении детей, смерти и т. п. – *Примеч. пер.*

основе собственного опыта определить свои приоритеты и проекты. Устранение материальных реликтов основывается на все более ускоряющихся циклах серийного производства. Окружающая нас техника заменяется на протяжении нашей жизни несколько раз. Этот принцип замены и обновления служит конститутивным компонентом научно-технической революции и связанного с ней поведения потребителей. Форсированная смена поколений того или иного продукта и ускорение товарного производства является не естественной универсалией, а центральным элементом в культурной программе модернизации западных обществ. В этом смысле разрушение и забвение оказываются важным двигателем прогресса. Эту модернизационную динамику устаревания и обновления, инновации и архаизации точно описал американский философ Ральф Уолдо Эмерсон еще в середине XIX века на подъеме индустриальной революции: «Новая техника разрушает старую. Достаточно вспомнить о вложениях капитала в акведуки, которые заменила гидравлика, в крепости, изжившие себя из-за пороха, в дороги и каналы, ставшие ненужными из-за железных дорог, в паруса, замененные сначала паром, а затем электричеством»²⁰. Забвение было для Эмерсона не только движущей силой изобретений и обновлений, но и важной культурной стратегией. Ратуя за культурную инновативность и духовную самостоятельность, он говорил о «неотвратимости мусорной свалки, которую новизна творческой мысли предназначает для всего устаревшего»²¹. Эмерсон имел в ту пору достаточно оснований для своей программы. Во-первых, он писал ее в середине XIX века на подъеме индустриальной революции и массированного развития техники, благодаря которым изменялись жизненные миры; а во-вторых, он вел поиск новой идентичности, которую США сумели бы противопоставить культурной гегемонии Европы. В своих работах, которые читаются ныне как «культурная Декларация независимости» США, Эмерсон создал образ «старой» Европы, согнувшейся под бременем своих традиций и под грузом истории, которому «молодая нация» США противопоставляла многообещающее будущее. На этом культурно-политическом фоне Эмерсону выпала миссия проповедника эволюции, прогресса и модернизации, что сделало его страстным проповедником забвения. Для Ницше этот американский философ, сам именовавший себя неустанным искателем, который не имеет прошлого («an endless seeker with no past at my back»²²), стал образцом критического отношения к прошлому.

Подобная позиция обладала убедительной силой, пока будущее еще сулило неиссякаемый прогресс. Однако к концу XX века перед лицом осознания ограниченности природных ресурсов сформировалась новая ментальность – «рециклинг», – которая видела цель не в забвении и утилизации, а в переработке и вторичном использовании продукции, пригодной для длительного употребления и способной стать сырьем для новых продуктов. «Выбрасывание на свалку – это вчерашний день. Сегодняшний день – это ремонт, переделка, передача в другие руки», – такой плакат можно увидеть в витрине магазинчика, открывшегося в берлинском районе Кройцберг. Ресайклинг являет собой идею замедления процесса материального и культурного забвения, идею нового отношения к ценности старого в рамках нового экологического сознания, которое находит свое отражение и в произведениях искусства, где старое намеренно маркируется в качестве хорошо заметного элемента нового.

Границы автоматического забвения особенно ощутимы там, где мы имеем дело с травматическим прошлым. В качестве примера процитирую строки американского поэта, который написал в 1918 году стихотворение о полях больших сражений XVIII и XIX веков, написал от имени травы²³:

²⁰ Emerson R. W. *Circles* // *Selected Writings* / Gilman W. H. (Hg.) New York; London, 1965. P. 295–306, здесь – 296.

²¹ См. также: Connerton P. *How Modernity Forgets*. Cambridge, 2009; Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017. С. 136.

²² Emerson R. W. *Circles*. P. 304.

²³ Sandburg C. *Grass* // *Modern American Poetry* / Ed. by L. Untermeyer. New York, 1919. P. 205; Эндберг К. Трава / Пер. И. Палий (<https://www.stihi.ru/2008/05/11/2223>). Смысл этого стихотворения можно сравнить с известной сентенцией Джор-

Сложите погибших под Ватерлоо и Аустерлицем.
Закопайте их, позвольте мне поработать.
Я – трава, я покрываю все.
Сложите гору из убитых у Геттисберга
И трупов Ипра и Вердена.
Закопайте их, теперь мой черед.
Два года, десять лет, и пассажиры спрашивают проводника:
«Что это за место?»
«Где мы сейчас проезжаем?»
Я – трава.
Не мешайте расти.

Воспринятая буквально «трава забвения» становится зримым образом неудержимого течения времени. Время может принести забвение, приглушить боль, исцеляет раны. Но стихотворение Карла Сэндберга проблематизирует обратное превращение истории в природу на полях былых сражений, ибо такое превращение свидетельствует, с одной стороны, о безразличии к неизмеримым страданиям людей, а с другой, о невозможности извлечь урок из исторического прошлого. Трава, растущая там, где ей заблагорассудится, наводит мысль читателя на целый ряд принципиальных вопросов. Ибо в отличие от травы у людей есть возможность выбора между памятованием и забвением, что обуславливает необходимость этических решений.

Об этом же говорит фрагмент из романа В. Г. Зебальда «Аустерлиц», где рассказчик размышляет о том, «как мало удастся сохранить в памяти из всего того, что постоянно уходит в забвение с каждой загубленной жизнью, как мир сам опустошает себя тем, что истории, связанные с бесчисленным количеством разных мест и вещей, останутся никем не услышанными, не записанными и не рассказанными другим...»²⁴. На первый взгляд Зебальд описывает здесь обычный ход вещей. Забвение неудержимо, оно является нормой для культуры и общества. Но на второй взгляд обнаруживается, что описанное Зебальдом представляет собой кричащую моральную проблему. Ведь речь идет о памятных местах немецкой истории – бельгийском форте Бреендок и чешском Терезиенштадте, которые были превращены нацистами в лагеря смерти. Все меняется, когда между нами и прошлым стоит не естественная смерть людей, а истязания и массовое уничтожение мирных граждан. Поэтому рассказчик, которому Зебальд придает автобиографические черты, отправляется на поиски «утраченного прошлого», чтобы прочесть следы, оставленные исторической травмой. Этот поиск направлен не против времени, уходящего и стирающего воспоминания, а против преступников, отрицающих, скрывающих свое прошлое, насаждающих забвение, которое шаг за шагом проясняется в романе, чтобы хотя бы еще несколько историй, связанных с бесчисленным количеством мест и вещей, были вновь обнаружены, выслушаны и рассказаны для других.

Сберегающее забвение – вхождение в архив

Допустим, нам невероятным образом удалось уберечь что-то от потока времени, несущего забвение. Коллекционеры и старьевщики специализируются на отсрочках. Они спасают вещи от тлена, продлевая их век за счет включения в свои хранилища. Но настоящая возможность продлить век вещи появляется лишь тогда, когда эта вещь попадает под защиту тех

джа Сантаяны: «Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь».

²⁴ Sebald W. G. Austerlitz. München, 2001. S. 35.

институций, которым такую защиту поручают общество и государство: архивы, библиотеки или музеи.

Приведенная выше схема указывала на необходимость различать два аспекта культурной памяти. В письменных культурах происходит раздвоение между пассивной *накопительной памятью* и *активным памятованием*. Это приводит к институциональной дифференциации двух областей, которые я именую «каноном» и «архивом». *Канон* является функциональной памятью общества, которая должна осваиваться каждым поколением заново. Канон присваивает определенным артефактам, личностям или историческим событиям особую ценность и ориентирующую значимость для будущего. Канонизация сопряжена с высокими затратами, ибо требует усилий и взятых обязательств: мы не забудем этого, данные достижения, события, благодеяния и преступления не пройдут бесследно, а послужат прочной основой нашей культурной идентичности и надежными ориентирами на будущее. СМИ, политики, музеи и юбилеи вносят свой вклад в реактивацию коллективной памяти. Социальная группа формирует коллективную память, которая закрепляет коллективные представления о прошлом и дает ориентиры на будущее.

Накопительная память *архива*, напротив, включает в себя все те следы и реликты прошлого, которые не являются содержанием активной мемориальной культуры. Исторические архивы не старше Великой французской революции, они представляют собой важное достижение западных демократий. Содержимое этих архивов выходит далеко за пределы того, что актуально или значимо для коллективной идентичности. Одной из характеристик западных демократий служит то, что они могут позволить себе наличие таких институций, как университеты с гуманитарными факультетами, исторические архивы и музеи. Например, швейцарский Земельный музей Цюриха, хранящий предметы повседневного быта, собрал не менее полутора сотен кроватей, образцов из нескольких веков. Документы, письма и рукописи хранятся в городских, региональных или национальных архивах, куда кроме посмертного творческого наследия теперь все чаще поступают прижизненные частные архивы писателей и художников. Такие коллекции, как и искусство вообще, не представляют собой непосредственной утилитарной пользы для общества. Но они являются материалом, питающим историческое любопытство, и служат, таким образом, самоопределению людей в истории. Библиотеки и архивы создают информационную базу первоисточников для работы писателей, художников и кинематографистов. Они выполняют важную задачу, обеспечивая предпосылки для того, чтобы в будущем говорили о настоящем, когда настоящее само сделается прошлым. Первоисточники, хранящиеся в архиве, должны, благодаря ученым и писателям, превратиться в знания и воспоминания. Материалы находятся в архиве культуры, имея статус латентности между «уже не» и «еще не». Они пребывают в зале ожидания истории, ибо ждут своего открытия, то есть находки, выбора, внимания, интерпретации, оценки, осмысления. Подобное сохранение артефактов и сведений, которые в настоящее время уже не подлежат активному использованию, я вслед за Ф. Г. Юнгером называю «сберегающим забвением»²⁵. Итак, немногочисленные вещи удается спасти от реки забвения, и они находят прибежище под крышей учреждений, чьей задачей является сохранение. Возьмем в качестве примера Вильгельма фон Шольца (1874–1969), жившего в Констанце. После смерти судьба уберегла его от той участи, когда все оставшееся от человека отправляется в мусорный контейнер. Семейная вилла на живописном берегу Боденского озера сохранилась, даже вся мебель стоит на прежнем месте. Его творческое наследие перекочевало в Национальный литературный архив, что находится в Марбахе, и в муниципальный архив города Констанц. Zenit славы этого литератора пришелся на 1924 год, когда Констанц торжественно отметил 50-летие Вильгельма фон Шольца: целую неделю на сцене городского театра шли его пьесы, проводились и другие юбилейные мероприятия. Город сде-

²⁵ Jünger F. G. Gedächtnis und Erinnerung. Frankfurt a. M., 1949. S. 16–17.

лал юбиляру особый подарок, назвав короткую дорогу, ведущую к его вилле, именем писателя. Но в наши дни он оказался совершенно забытым. Хотя после войны состоялось еще несколько его чествований, Шольцу еще при жизни довелось почувствовать закат собственной славы и постепенное забвение.

Бестселлеры Шольца, большие тиражи книг и пьесы со множеством театральных постановок не стали лонгселлерами-долгожителями. Он не вошел в канон немецкой классики, хотя сам твердо рассчитывал на это. «Каждое произведение, – писал Шольц, имея в виду и собственные сочинения, – должно пройти через темную полосу невнимания, чтобы потом добиться долгого успеха»²⁶. Но по отношению к нему самому это правило не сработало. Он так и не вышел из темной полосы невнимания, окончательно исчезнув с радаров образовательных учреждений и из сферы интересов публики. Его творческое наследие не преодолело узких рамок селекции при формировании культурно-политического и образовательного канона, на который ориентируются учебные программы школ и университетов, его обошли вниманием вместе с большинством других авторов того поколения. И это тоже часть нормального хода литературной истории: лишь ничтожно малому числу людей удастся войти в пантеон великих деятелей культуры, чьи произведения канонизируются и несут на себе печать вечной ценности.

Хотя в глазах следующих поколений звезда писателя, несомненно, угасла, это еще вовсе не означает полного и окончательного забвения. Между активным воспоминанием и полным забвением существует промежуточное состояние «сберегающего забвения», которое я сравниваю с функцией архива. То же самое можно сказать о личности и литературном наследии Вильгельма фон Шольца. После того как в архиве обнаружилось его стихотворение, восхвалявшее Гитлера, и об этом стало известно городским властям, возник вопрос о возможных политических мерах активного забвения. Попытке ликвидировать импозантное надгробие на могиле писателя воспротивилась служба охраны памятников культуры. Вместо этого переименовали короткую дорогу, названную именем Шольца. Но одновременно городской театр заинтересовался его пьесой «Еврей из Констанца» (1905), также обнаруженной в городском архиве. Местная газета «Зюдкурир» от 10.3.2013 известила читателей: «Театр Констанца ставит трагедию Вильгельма фон Штольца „Еврей из Констанца“, найденную в архиве». Книга с полным текстом пьесы так давно исчезла из продажи, что ее единственный экземпляр отыскан лишь в университетской библиотеке. Инсценировка Штефана Оттени, фрагменты которой можно увидеть в интернете, попала в полусотню лучших постановок 2013 года. Беттина Шульте отметила в газете «Бадише Цайтунг» (12.6.2013) «не только сценичность, но и актуальность пьесы». По ее словам, режиссер, актеры и художник спектакля «великолепно справились с задачей возрождения пьесы к новой жизни», что, однако, «не реабилитирует ее автора».

Динамика культурной памяти базируется на взаимообмене между обоими институтами – каноном и архивом. Архивные материалы находятся как бы в чистилище между адом забвения и раем памятования. Они существуют в состоянии латентности, ожидания, межвременья; они ждут специалистов, журналистов, писателей, которые занимаются поиском, делают находки и превращают эти находки в достояние общественности. Это происходит за счет попадания находки в новый контекст, который нагружает ее новым смыслом. Не только писатели, художники, но и гуманитарные науки в целом занимаются актуализацией архивных материалов. Они являются работниками на винограднике культурной памяти; их общественная миссия заключается в пробуждении к новой жизни мнимо мертвых источников посредством постановки новых вопросов и доказательств того, что источник способен дать на них важные ответы.

Как известно, Ницше резко полемизировал против стремительного разрастания хранилищ исторического знания, усматривая в них опасное бремя для общества и отдельной личности. Но каждая культура располагает определенными возможностями сортировки и ориен-

²⁶ Scholz, W. von. Irrtum und Wahrheit. Neue Aphorismen. Bertelsmann, 1950. S. 74.

тирами, которые позволяют отделить существенное от несущественного. То, что не находит себе места в каноне, еще имеет шанс попасть в архив, однако и там периодически происходит так называемая «кассация» (от латинского *cassare* – уничтожать, отменять). Статья в немецкой Википедии об использовании этого термина в архивном деле говорит, что кассация «является ответственной задачей архива, ибо документ, однажды подвергшийся кассации, исчезает навсегда. Это означает, что ошибочные решения непоправимы».

Современное информационное общество справляется с избытком данных не столько посредством их уничтожения, сколько в силу постоянного увеличения мощности запоминающих устройств, в чем легко может убедиться любой обладатель цифровых гаджетов, компьютера, планшета или смартфона. Другой стратегией борьбы с избытком информации служит использование поисковых систем и алгоритмов, которые структурируют информацию и осуществляют поиск. Проблему ориентации в лавине новой информации и новых знаний можно решить только с помощью критериев, позволяющих отделять существенное от несущественного. В западных демократиях граждане призваны самостоятельно вырабатывать для себя такие критерии.

Селективное забвение – фокусировка и значение рамок памяти

В цифровую эпоху с ее созданием все более миниатюрных чипов объем памяти на технических носителях ежегодно удваивается, а вот наш мозг вынужден по-прежнему ограничиваться ресурсами своей биологической инфраструктуры. Поэтому необходимо различать между хранением информации и памятованием. *Хранить* информацию, то есть запоминать, заучивать наизусть, пользоваться мнемотехникой, может и человек, но все же выполнение этих функций предназначается техническим устройствам. А вот *помнить* и *вспоминать* способен только человек. При переработке информации и при ее закреплении в нашей памяти мы сталкиваемся с принципиальной проблемой нехватки места. Забвение, как это показано на барочной эмблеме с узкогорлым сосудом, свидетельствует об этой нехватке и о том, что решить данную проблему можно с помощью искусства мнемотехники, расширяющей способности памяти. Но саму эмблему можно истолковать и в противоположном смысле, а именно как похвалу забвению. Тогда эмблема будет означать: забвение – благотворно, ибо оно избавляет от излишней информации. Память действительно крайне нуждается в фильтре забвения, который отбирает из множества импульсов, поступающих в мозг по каналам рецепторного аппарата, лишь очень немногие импульсы, создавая тем самым предпосылки для оценки перспективности, значимости и идентичности, а следовательно, и для памятования. Максиму античной мнемотехники «наибольшая часть утрачивается» можно понимать в качестве указания не только на дефицит или бедствие, но и на благо. Еще Френсис Бэкон нашел удачный образ для селективной динамики памяти: «Тот, кто ставит свечу в угол, затемняет остальное помещение»²⁷.

Забвение с его особыми формами (невнимание, пренебрежение, игнорирование) является имманентной составной частью памятования; пробелы, оставляемые забвением, имеют конститутивный характер для организации памяти. Поэтому продуцирование незнания, потерь и забвения стало ныне новым полем научных исследований под названием агнотология. На незнание больше нельзя положиться; в эпоху «больших данных» (*Big Data*) незнание приходится специально продуцировать, сохранять и заново изучать в качестве культурно-политического механизма селекции²⁸.

²⁷ Bacon F. The Advancement of Learning and New Atlantis. London, 1974. P. 33.

²⁸ R. N. Proctor und L. Schiebinger (Hg.). Agnotology. The Making and Unmaking of Ignorance. Palo Alto, 2008. Альбрехт Кошорке занимался аналогичными исследованиями в университете Констанц, см.: Journal der Universität Konstanz «UniKon». 2012. № 45.

Таким образом, возникает принципиальный вопрос об экономике памяти и ее селективных критериях. Как, где и кем они устанавливаются? Что и в каких случаях подлежит включению или исключению? Ницше интересовался этим вопросом с когнитивной и моральной точек зрения. В первом случае речь, по его мнению, идет о том, чтобы память контролировалась волей. «Веселость, спокойная совесть, радостная деятельность, доверие к грядущему – все это зависит как у отдельного человека, так и у народа от того, существует ли для него линия, которая отделяет доступное зрению и светлое от непроницаемого для света и темного»²⁹. Такую способность Ницше приписывал сильному мужскому уму. В том же духе высказывался Бергсон: «Человек действия отличается своей способностью вызывать нужные воспоминания тем, что он воздвигает в собственном сознании барьер, который защищает его от массы бессвязных воспоминаний»³⁰. Когнитивная психология и нейрология говорят сегодня об executive function (исполнительной функции). Под этим подразумевается способность сознания, отключая внимание от нерелевантных ассоциаций, фокусировать его исключительно на релевантной информации или событии³¹.

Но Ницше напомнил нам также о том, что когнитивный и моральный аспекты порой сложно отделить друг от друга, так как человеку присуща сильная потребность в гармонии между памятью и положительной самооценкой. Он запечатлел это в афоризме: «„Я это сделал“, – говорит моя память. „Я не мог этого сделать“, – говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов память уступает»³².

Когда необходимо сохранить собственное лицо, на помощь гордости приходит забвение. Ницше мог бы заимствовать свою мысль из концепции памяти как механизма вытеснения. Однако он этого не сделал, ибо в отличие от Фрейда положительно относился к забвению. Он считал забвение необходимым, поскольку оно придает мужество и решительность деятельному человеку.

Для Ницше, как и для Ханны Арендт, тема активной деятельности тесно связана с вопросом забвения. Для Арендт активная деятельность невозможна без забвения, однако она иначе определяла рамочные условия, нежели Ницше. Арендт не имела в виду личность, которая совершает решительный поступок, не жалея других и не учитывая последствий своего поступка; напротив, она имела в виду человека, которого занимает проблема непредсказуемости последствий каждого своего шага. Непреложный закон, что всякое деяние необратимо, а его последствия непоправимы, означает для Арендт, что этот закон может быть лишен силы только прощением и забвением, которые даруются человеку окружающими его людьми. В тот момент, когда я пишу эти строки в купе скорого поезда, я краем уха слышу историю из некоего офиса, где один сотрудник допустил серьезную оплошность. Реакция собеседника была такова: «Этот тип до конца жизни не сумеет заглазить свою вину». Вероятно, подобную ситуацию подразумевала Арендт, когда писала: «Не будь у нас надежды на прощение и отпущение вины за содеянное, вся наша способность к действию оказалась бы парализована единственным проступком, от которого мы уже никогда не смогли бы оправиться; мы бы навсегда остались жертвой его последствий, подобно ученику чародея, забывшему волшебное слово, снимающее заклятье»³³. Активная деятельность возможна в социальном контексте лишь тогда, когда ответственность человека ограничена и существует надежда, что негативные последствия, сопряженные с совершенным деянием, будут прощены и забыты.

²⁹ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 163–164.

³⁰ Bergson H. Matière et mémoire. Paris, 1896. P. 166.

³¹ Norman D. A., Shallice T. Attention to Action: Willed and Automatic Control of Behavior // Cognitive neuroscience: A Reader / Ed. M. S. Gazzaniga. Oxford, 2000.

³² Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 291.

³³ Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Библикина. СПб., 2000. С. 314.

Ницше постоянно чувствуется в качестве первого теоретика позитивного забвения. Однако защитники забвения существовали и до него. Ранее уже упоминался Ральф Уолдо Эмерсон, американский философ, которым восхищался Ницше³⁴. Другим его предшественником был Монтень. Подобно тому как Ницше высмеивал антиквара, беспорядочно собирающего фрагменты прошлого без всякого внимания к критериям отбора и значимости артефактов, Мишель де Монтень критиковал педанта, демонстрируя на этом примере порочность безудержного всезнания: «Голова, забитая всякой всячиной, не становится остроумнее и живет <...> Наряду с растением, поливаемым слишком часто, или лампой, которая гаснет из-за избытка масла, ум тоже страдает от чересчур усердной учебы»³⁵.

Вслед за Ницше французский социолог Морис Хальбвакс поставил на новую основу вопрос о критериях отбора для памяти, введя в изучение памяти понятие «социальные рамки». Под ними подразумевался принцип отбора, который диктуется индивидууму социальной группой³⁶. По мнению Хальбвакса, то, что запоминается или не запоминается, зависит от действующих правил коммуникации в социальной группе, к которой принадлежит индивидуум. Социальные рамки определяют как отношения между индивидуумом и обществом, так и динамику взаимосвязи между памятованием и забвением. Эти рамки не допускают памятования о большом количестве вещей и событий, которые тем самым не получают социального признания. Пол Коннертон говорит в этом контексте о «паттернах»: «Многие мелкие акты забвения, обуславливающие длительное забвение, происходят не случайно, а под воздействием определенных паттернов»³⁷. Памятования не существуют россыпью или кучей, они рассортированы. Они сортируются посредством оппозиции присоединяемые/неприсоединяемые внутри кластеров и паттернов. Пока для истории и событий нет рамок памяти, они остаются неуслышанными. Им не уделяют внимания и не придают значения, поэтому они исчезают незамеченными и не вызвавшими интереса. Такой была судьба многих людей, переживших Холокост и тщетно пытавшихся в пятидесятых и шестидесятых годах привлечь к себе внимание европейской общественности.

Только через изменение рамок памяти общество может воспринять отторгавшееся раньше воспоминание. То же самое относится к смене научных парадигм, которые также можно считать разновидностью организованного забвения. Карл Шлэгель так описал логику забвения, обусловленного сменой научной парадигмы: «Когда подходит срок, интерпретативная монополия завершается; она переживает эрозию, ликвидируется, и ее место занимает другая, в которой не остается ни следа от прежних споров и даже целых сражений. Одна глава заканчивается, другая начинается»³⁸.

Категория «рамок памяти» позволяет лучше понять вопросы мемориальной политики. Здесь мы можем установить связь между Хальбваксом и Ницше, ибо национальная память обычно подчиняется чувству гордости и воспоминаниям о собственных страданиях, а вот своя вина редко получает доступ в национальную память. Мемориальная культура, сформированная гражданским обществом и базирующаяся на правах человека, обрела с девяностых годов новые транснациональные рамки памяти в виде «политики покаяния», что впервые сделало возможным публичное признание государством собственной вины и включение в национальную память своих преступлений. В этих рамках западные страны берут на себя ответственность за совершенные исторические преступления, интегрируя в национальный нарратив точку зрения жертв.

³⁴ Friedl H. Emerson und Nietzsche: 1862–1874 // Religion and Philosophy in America / P. Freese (Hg.). Bd. I. Essen, 1987. P. 61–182.

³⁵ Montaigne M. de. Von der Pedanterey // Montaigne M. de. Essays I, 24. Zürich, 1992. S. 213–237.

³⁶ Halbwachs M. Das Gedächtnis und seine sozialen Rahmen (1925). Frankfurt a. M., 1992.

³⁷ Connerton P. Seven Types of Forgetting // Memory Studies. 2008. № 1. P. 59–71, здесь – 63.

³⁸ Schlögel K. Im Raume lesen wir die Zeit: Über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. München, 2003. S. 60.

Караящее (*damnatio memoriae*) и репрессивное забвение

Damnatio memoriae – это форма караящего забвения путем символического уничтожения противника, подвергнутого опале. «Человек жив, пока произносится его имя»³⁹. Эта древнеегипетская пословица справедлива до сих пор. Поэтому забвение, стирание имени, *damnatio memoriae* считается тяжелым наказанием. Такое наказание разит человека до самых глубин его личности, которая тем самым отрицается и уничтожается. Тот, чье имя вычеркивается из анналов или соскабливается с каменных монументов, символически обрекается на вторичную смерть. Но эта форма забвения содержит в себе перформативное противоречие, на которое указывает Умберто Эко, так как она вызывает повышенный интерес к человеку, который должен стать вообще недоступным для восприятия окружающими.

Если *исторические* архивы, являясь составным элементом открытой демократической культуры, создают возможность «сберегающего хранения», то *политические* архивы принципиально засекречены и служат важным инструментом упрочения власти. Диктатуры не признают прозрачности, поэтому политические архивы не открывают историкам свои документы, которые остаются недоступными для общественности даже по истечении срока секретности. Пока архивы закрыты, невозможно провести расследование исторических преступлений (например, армянского геноцида). При этом жертвы насилия оказываются лишенными права на собственную историю и память.

Тема репрессивного забвения и тотального контроля над прошлым отражена Джорджем Оруэллом в его знаменитом романе «1984» на основе непосредственного знакомства автора с современными диктаторскими режимами. Оруэлл подробно показывает, как посредством репрессивного и разрушительного забвения совершается фальсификация истории ради апологетики власти. Оруэлл исследует насильственные формы забвения, призванные легитимировать и упрочить существующую власть. Для этого используются пропаганда, промывание мозгов, преследование инакомыслия, а также уничтожение или фальсификация исторического наследия. Эта параноидальная стратегия должна обеспечить единство прошлого с настоящим и воспрепятствовать тому, чтобы прошлое воспринималось в его автономии, способной своими фактами разоблачить ложь правящего режима. О том, насколько четко это функционирует, говорит Уинстон: «Ты понимаешь, что прошлое, начиная со вчерашнего дня, фактически отменено? Если оно где и уцелело, то только в материальных предметах, никак не привязанных к словам, – вроде этой стекляшки. <...> Документы все до одного уничтожены или подделаны, все книги исправлены, картины переписаны, статуи, улицы и здания переименованы, все даты изменены»⁴⁰. И этот процесс не прерывается ни на один день, ни на минуту. История остановилась. Нет ничего, кроме нескончаемого настоящего, где партия всегда права»⁴¹.

Роман Оруэлла является великолепным исследованием забвения во всех его аспектах – психологическом, коммуникативном, социальном, политическом и культурном. Знаменитый партийный лозунг гласит: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым»⁴². Но одновременно Оруэлл показывает, насколько огромные усилия требуются, чтобы достичь политической цели репрессивного забвения за счет постоянного переписывания истории ради ее однозначного толкования и пропагандистской конъюнктуры. В качестве манипулятивной стратегии упрочения власти используются

³⁹ Assmann J. Tod und Jenseits im Alten Ägypten. München, 2001. S. 54.

⁴⁰ Так, на советской фотографии, где Сталин изображен с руководителем НКВД Николаем Ежовым, одним из организаторов «Большого террора» 1937–1938 годов, Ежов был заретуширован после того, как попал в немилость.

⁴¹ Оруэлл Дж. 1984 / Пер. В. Голышева. М., 2016.

⁴² Там же.

отрицание реальных фактов, фальсификация, ложь и обман (в том числе систематическое переписывание документов и ретуширование фотографий).

Еще одним историческим примером *damnatio memoriae* служит сожжение книг, которое происходило в мае 1933 года во многих немецких городах, где нацистская диктатура осуществляла преследование евреев и противников режима. Сожжение книг на площадях и в непосредственной близости от университетов или публичных библиотек было не только актом физического истребления; нежелательные авторы подвергались скорее символической опале, уничтожались сами имена этих людей. Их забвение продолжалось столько, сколько просуществовала власть, узаконившая его. По окончании Второй мировой войны состоялась переоценка списка сожженных книг, которые теперь вошли в основной фонд немецких публичных библиотек. Опальные авторы сделались почитаемыми.

Репрессивное забвение может реализовываться менее драматично и более эффективно посредством «структурного насилия», под которым подразумеваются скрытые формы цензуры вроде ограничения доступа к общественным и культурным ресурсам. В патриархальных обществах женщины лишены доступа к печатным изданиям или этот доступ значительно затруднен, что практически означает и невозможность посещения архивов и библиотек. «Мужчины располагают большой привилегией рассказывать свою историю. Воспитание позволяет им лучше развить в себе такую способность; их руки владеют пером»⁴³. Эта прозорливая сентенция содержится не в одном из эссе Вирджинии Вулф, написанном в двадцатых годах прошлого века, а уже в 1817 году в романе «Доводы рассудка» Джейн Остин. Нечто подобное можно сказать о других социальных группах, дискриминируемых в социальном, религиозном или расовом отношении. «Структурное насилие» обеспечивает такое положение дел, когда одни голоса слышны, а другие нет. Целые этносы, вроде коренного населения Австралии или США, считаются «не имеющими истории» лишь потому, что они не могут предъявить письменных свидетельств, документов и архивов. Своего рода иконой постколониального дискурса стал текст Гаятри Чакраворти Спивак «Могут ли угнетенные говорить?»⁴⁴. Она убедительно демонстрирует, что определенные члены общества оказываются лишенными собственного голоса. В этом случае, чтобы молчание было нарушено и забытое вновь заговорило, должны измениться не только рамки памяти, но и властные отношения.

Охранительное и свиновное забвение для защиты преступников

Когда преступникам становится ясно, что их власть близка к своему крушению, то они принимают меры по сокрытию и маскировке собственных злодеяний, чтобы избежать возмездия. Высокопоставленные нацисты меняли после 1945 года имена и идентичности, стирая тем самым свою вину за то, что совершали в прежние годы. Пока преступники остаются у власти, та защищает их; когда их лишают власти, они делают ставку на забвение. Лихорадочно заметая следы, преступники стремятся избавиться от исторических свидетельств собственных злодеяний, чтобы уклониться от судебного преследования и ответственности. Например, в Южной Африке режим апартеида накануне демократического переворота в 1990 году тоннами уничтожал архивные материалы, которые могли бы фигурировать в качестве доказательств на будущих судебных процессах⁴⁵.

⁴³ Austen J. *Persuasion*. Oxford, 2008. Bd. 2, Kapitel 11.

⁴⁴ Spivak G. *Ch. Can the Subaltern Speak? Postkolonialität und subaltern Artikulation*. Wien, 2007.

⁴⁵ В конце 1989 г. Министерство внутренних дел ГДР (Штази) уничтожило большое количество архивных документов, чтобы скрыть следы преступлений. Бумажная «лапша», оставшаяся от этих документов, занимала около 16 тысяч мешков. С помощью новой компьютерной программы, разработанной Бертрамом Николаи, руководителем Отдела техники безопасности при Институте Фраунгофера ИРК, удалось восстановить часть этих документов. Теперь из различных стран мира в институт

Перед окончанием Второй мировой войны семь миллионов членских карточек из кадрового архива национал-социалистической партии были вывезены для уничтожения на бумажную мельницу под Мюнхеном, где в суматохе последних дней войны про них забыли, а позднее они попали к американцам. Теперь эти членские карточки хранятся в Федеральном архиве (Berlin Document Center), где их в 2003 году обнаружили историки, оповестившие о своей находке общественность. Спустя семьдесят лет картотека «напомнила» о поколении, которое забыло о своем членстве в нацистской партии⁴⁶.

Кристиан Майер и Герман Люббе говорят об обновляющей и трансформирующей силе молчания и забвения. Однако совершенно необходимо провести различие между этим трансформирующим молчанием и совинновым молчанием. Последнее недопустимым образом поддерживает status quo, который защищает преступников и продолжает дискриминацию их жертв.

С января по декабрь 2010 года немецкая общественность была взбурена сообщениями о случаях сексуальных домогательств, которые происходили в школах-интернатах при различных церковных учреждениях. Ряд жалоб и свидетельских показаний предал гласности такие случаи, когда преподаватели и священники этих учебных заведений на протяжении десятилетий совершали развратные действия по отношению к детям и подросткам. Ответственные лица, к которым поступали жалобы, реагировали на них стремлением забыть о неприятных инцидентах. Забвение подразумевало целый спектр различных стратегий, таких как умаление серьезности события, его игнорирование, проволочки с разбирательством. Закрывая глаза на случившееся, ответственные лица считали, что проблема исчезнет сама собой. Совинновое молчание возникает под воздействием табу, то есть социальных норм, которые укоренены в сознании так глубоко, что не требуют эксплицитных запретов для их исполнения. Табуированными оказываются не только сами преступные деяния, но и их публичное обсуждение. В таких случаях молчание понуждает к конформизму, поэтому необходимо гражданское мужество, чтобы воспротивиться давлению, ибо публичные выступления могут обернуться потерей позитивного имиджа и общественным осуждением. Чтобы прервать молчание, которое десятилетиями покрывало сексуальные посягательства на детей и подростков в публичных и частных учебных заведениях, а также в семьях, потребовался радикальный пересмотр ценностей в обществе, понадобилась чуткость по отношению к самым слабым его представителям⁴⁷.

Забвение приобретает в подобных ситуациях три формы, которые взаимно стабилизируют друг друга:

- охранительное молчание преступников;
- симптоматическое молчание травмированных жертв;
- совинновое молчание общества.

Совинновое молчание защищает преступников от наказания и привлечения к ответственности. Когда все три формы молчания собираются вместе, преступление может долго и надежно скрываться. Пока нарушить молчание и заявить о своих правах готовы только жертвы, их усилия обычно тщетны. Нужно, чтобы к этим усилиям присоединилось желание общества помочь этим жертвам в реализации их прав. Лишь тогда голос жертв усиливается средствами массовой информации. А еще необходима радикальная переоценка ценностей под знаком защиты прав человека. Подобная переоценка произошла в восьмидесятых и девяностых годах, когда проявилась новая чуткость к страданиям жертв Холокоста, рабовладельчества,

поступают запросы на использование новых технических возможностей для восстановления документов, оставшихся от преступных тоталитарных режимов.

⁴⁶ Jens T. Vatermord – Wider einen Generalverdacht. Gütersloh, 2010.

⁴⁷ В 2010 г. в Германии было прервано долгое замалчивание сексуальных преступлений. Кинорежиссер Вим Вендерс принял участие в стартовавшей в сентябре 2010 г. кампании протеста, поддержав Кристину Бергман, уполномоченную федерального правительства по защите прав пострадавших от сексуального насилия.

колониализма и диктаторских режимов. Вслед за переоценкой ценностей во многих странах изменился социальный климат, и общество, перестав защищать преступников, обратило свое сочувствие к их жертвам.

Конструктивное забвение – *tabula rasa* на службе новых начал в политике и биографиях

Я начала с амбивалентной оценки памятования и забвения, поэтому следует напомнить и о положительных аспектах рассматриваемого предмета. К числу тех, кто обращал наше внимание на благо забвения, принадлежал Бертольт Брехт. Его стихотворение «Хвала забывчивости» заканчивается следующими строками:

Как мог бы человек вставать с постели утром,
Если бы не стирающая все следы ночь?
Как мог бы шестикратно сбитый с ног
Встать в седьмой раз,
Чтобы перепахать каменистую землю,
Чтобы взлететь в грозные небеса?
Силу человеку
Придает слабость его памяти.

Перевод Бориса Слуцкого

Откуда, если не из забвения, взять силу и мужество человеку, поверженному разочарованием, бедами и страданиями, как иначе противостоять снова и снова неблагоприятным обстоятельствам? Подобную жизнестойкость психологи именуют ныне резилентностью. Гуго фон Гофмансталь под несколько иным углом зрения рассматривал конструктивное забвение, позволяющее преодолеть страдания и утраты. Он использовал понятие преобразования, под которым понимал существование на границе между памятованием и забвением. «Хранить приверженность утратам, неизменно стоять на своем до самой смерти – или же жить, продолжать жизнь, преодолевать, преображаться, отказаться от цельности своей души, но все же сохранять себя в этом преобразении, остаться человеком, не опуститься до животного беспамятства»⁴⁸.

Брехтовскую хвалу забывчивости можно распространить и на творческие процессы, ибо забвение способно стимулировать художественную и интеллектуальную креативность. Не только прирост знания, но и его отсутствие играет при определенных условиях положительную роль. Это понимал Гёте, который в разговоре с Эккерманом заметил: «Но знай я тогда так же точно, как знаю теперь, сколь много прекрасного существует уже в течение тысячелетий, я не написал бы ни единой строчки и подыскал бы себе какое-нибудь другое занятие»⁴⁹. О том же говорит его Фауст: «Но жалок тот, кто копит мертвый хлам, / Что миг рождает, то на пользу нам»⁵⁰.

Совсем при других обстоятельствах к похожей мысли пришел еврейский филолог Эрих Ауэрбах, который в годы Второй мировой войны находился в турецкой эмиграции. Там он написал между 1936 и 1947 годами свою главную книгу под названием «Мимесис», где сформулировал совершенно новую концепцию западной литературы. Исследователи пришли к единодушному мнению, что эта книга могла возникнуть только потому, что у автора отсутствовал доступ к хорошей научной библиотеке. Таким образом, наряду с репрессивным и охранитель-

⁴⁸ Strauss R. Hugo von Hofmannsthal // Briefwechsel / W. Schuh (Hg.). Zürich, 1970. S. 134.

⁴⁹ Eckerman J. P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens. Kapitel 61 (16.2.1826). Frankfurt a. M., 1981.

⁵⁰ Гёте И. В. Фауст. Часть I / Пер. Б. Пастернака.

ным забвением существует внушающее оптимизм конструктивное забвение, которое является основой для интеллектуальных инноваций, для изменения идентичности и для новых политических начинаний.

Кстати говоря, тот факт, что еще до шестидесятых годов XX века между Германией и Турцией уже наблюдалась волна миграции, оказался совершенно забытым. Только та первая волна миграции шла в обратном направлении, из Германии в Турцию. В тридцатых годах Кемаль Ататюрк пригласил в Турцию немецко-еврейских интеллектуалов, которым грозили преследованием нацисты; приток этих эмигрантов должен был оживить в Турции науку и искусство. Эту забытую главу германо-турецких отношений восстановил турецкий документалист Эрен Онсёз в фильме «Без родины» (Eren Önsöz, 2016).

Как после развода неожиданно приходится заново перестраивать семейные и дружеские связи, так и после изменения политической системы многое быстро забывается. После 1945 года портреты Гитлера и изображения свастики были немедленно убраны, а такие книги, как «Моя борьба», которые стояли на книжных полках в каждом доме, бесследно исчезли. Во времена расчистки развалин, «коммуникативного умолчания» (Генрих Люббе) и экономического подъема слабость памяти, как это случилось в Западной Германии, действительно придавала силу. Вслед за переломными событиями 1989 года вновь произошло нечто похожее, но уже с обратным знаком. Когда на востоке Германии начали возникать новые музеи, обнаружился острый дефицит портретов Хоннекера, которые ранее были поспешно уничтожены. Однако в эпоху интернета все быстро меняется, ныне опять можно через eBay приобрести его портреты, даже в позолоченном багете. После 1989 года школьникам бывшей ГДР пришлось по указанию учителей вырывать из учебников истории целые главы. Чувства, испытываемые при этом юным поколением, описала Яна Симон, внучка Кристи Вольф, в своем романе 2002 года: «Не осталось места, где они могли бы найти свое детство. Почти все Дома молодежи закрыты. Некоторые из старых автомобилей сожжены. Улицы переименованы. Школы тоже. Сменилась меблировка родительских квартир, дома отремонтированы, исчезли прежние продукты, знакомые с раннего детства <...> все исчезло. Их старые учебники валялись возле мусорных контейнеров, учебники по истории рабочего класса, отрывки из которых заучивались наизусть. Школьные комнаты боевых традиций, памятные места, где проходили бессмысленные торжественные линейки со знаменами, все стерлось из памяти»⁵¹.

Или же кануло в огромную мусорную яму, которая не была, как у Эмерсона, частью динамики обновления западной культуры, а оказалась результатом радикальной переоценки ценностей в изменившейся политической системе. Когда происходит расчистка истории путем устранения школьных учебников и памятников, речь идет не о поспешном стирании следов, а об установлении *tabula rasa*, что отвечает потребности в быстрой и эффективной адаптации к новым условиям.

Кристиан Майер в своей книге «Заповедь забвений и неотвратимость воспоминаний» подчеркивает значение забвения как особого культурного достижения⁵². Он пишет о том, как после гражданских войн совместное забвение ее ужасов умиротворяет общество. Майер приводит примеры гражданской Пелопонесской войны в афинском полисе и Тридцатилетней войны. Мирный договор 1648 года, подписанный в Мюнстере и Оснабрюкке, содержит формулу «*perpetua oblivio et amnestia*» («вечное забвение и прощение»).

Исторически подобный принцип всегда способствовал ускоренной политической и социальной интеграции после гражданских войн. После Второй мировой войны терапия забвением послужила основой для строительства новой Европы. Это подтверждается речью, произнесен-

⁵¹ *Simon J.* Denn wir sind anders. Die Geschichte des Felix S. Berlin, 2002. S. 47–48.

⁵² *Meier Chr.* Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns. Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit. München, 2010.

ной Уинстоном Черчиллем в 1946 году перед студентами Цюрихского университета: «Мы все должны будем повернуться спиной к ужасам прошлого. Мы не можем позволить себе нести за собой через время ненависть и жажду мести, произрастающую из былых ран. Если мы хотим спасти Европу от бесконечных мучений и, безусловно, от рокового конца, мы должны поверить в Европейскую семью и предать забвению все преступления и безумства прошлого»⁵³.

Конструктивное забвение является не только биографической, эстетической, социальной или политической темой. В настоящее время позитивное значение забвения открыли для себя эволюционная психология и нейронауки. Исследователи говорят об «экстинкции», имея в виду утрату приобретенного знания или навыков, погашение нежелательных синапсов и стирание следов памяти. Забвение важно для избавления от древних и врожденных фобий, например от боязни пауков; но забвение играет важнейшую роль и для способности воспринимать новое. Немецкий неологизм *entlernen* (*разучиваться*) фигурирует ныне в толковом словаре «Duden», где оно объясняется как сознательное забвение приобретенного знания или навыка ради того, чтобы освободить место для обучения чему-то новому. Впрочем, это легче сказать, чем сделать. Однако один из главных принципов научных исследований в области образования гласит: «специальные знания будут играть все более важную роль, но поскольку они быстро устаревают, каждому человеку придется развивать в себе как способность учиться, так и способность разучиваться. Чтобы научиться новому, мы должны уметь отказываться от знания, которое все еще кажется пригодным»⁵⁴. Память с чересчур прочными синаптическими связями хуже адаптируется к изменяющимся условиям окружающего нас мира.

Терапевтическое забвение – оставить бремя прошлого позади

Описание конструктивного забвения как важного ресурса еще не завершает предлагаемую типологию. За последние десятилетия мы могли убедиться, что подавлением травматического прошлого рамки культуры, если говорить словами Мориса Хальбвакса, во все большей мере перенастраивались с забвения на памятование. От формы безусловного памятования о Холокосте, которая сложилась к концу восьмидесятых годов в виде императива «память против забвения», необходимо отличать другую форму памятования, содержащую в себе толику забвения. Поэтому седьмую, и последнюю, форму забвения я именую терапевтической. Памятование используется в данном контексте как терапия, позволяющая справляться с бременем истории с помощью покаяния и признания вины. Такое терапевтическое забвение направлено, как и конструктивное забвение, на примирение, интеграцию и преодоление совместной истории, что может быть достигнуто только памятованием. Здесь мы вновь сталкиваемся со скрещением забвения и памятования, которое в случае с терапевтическим забвением имеет две фазы. Памятование в виде обращения к прошлому и в виде его проработки служит первой фазой терапевтического процесса, нацеленного на признание, совместное усвоение и – что очень важно – повышение статуса истории в общественном сознании. Слово «забвение» означает применительно ко второй фазе процесса обезвреживание истории, ее преодоление и дистанцированность по отношению к ней во имя социального мира и конструктивного нового начала.

Западная культура богата примерами памятования в рамках терапевтического забвения. Говоря образно, терапевтическое забвение означает, что страницу книги необходимо сначала прочитать, чтобы потом перевернуть ее. Так, христианское покаяние требует вспомнить, чтобы потом можно было забыть: нужно осознать грех и назвать его, чтобы затем священник отпустил

⁵³ Речь Уинстона Черчилля в Цюрихском университете // Вестник Европы. 2009. № 26–27.

⁵⁴ Из интервью с Петером Випперманом, 25.10.2001 // <http://www.bildungserver.de/innovationsportal/bildungplus.html?artid=55>.

его. Нечто похожее происходит в эстетическом акте катарсиса: инсценирование трагического события на театральных подмостках позволяет вновь пережить тяжелое прошлое и тем самым преодолеть его. Социальная группа, по логике Аристотеля, очищается в результате подобного переживания. Забвение посредством воспоминания является, в сущности, целью фрейдистского психоанализа, который возвращает травматические события в сознание, чтобы потом тем надежнее избавиться от них. Сходную терапевтическую функцию в качестве средства забвения приобретает память в новых общественно-политических процессах: травматическая правда должна быть предъявлена суду общественности, жертва насилия должна получить возможность рассказать о своих страданиях, чтобы этот рассказ с сочувствием выслушали, после чего рассказанное может стать достоянием совместной памяти и считаться ушедшим прошлым. По такому принципу работает южноафриканская Комиссия правды и примирения, которая сочетает в себе элементы общественного суда, драмы с катарсисом и христианского ритуала покаяния. К настоящему времени в мире работают около тридцати Комиссий правды и примирения, причем в зависимости от конкретной ситуации для каждой из них придумывается своя процедура. Хотя элемент «суда» в этих общественных слушаниях, обусловленных изменением политической системы, несомненно, присутствует, все же элементу «правды» отводится в них совершенно особая роль. Не сокрытие прошлого или нежелание ворошить его, а гласность, признание права жертвы на публичное внимание к проблеме определяют эту форму публичной политики. Поскольку она направлена на примирение и интеграцию, мы вправе говорить о новой форме преодоления прошлого, которая в условиях политического транзита призвана способствовать превращению бывшей диктатуры или иного режима, нарушающего права человека, в демократию. Для этой формы преодоления прошлого большое значение имеет различие между «стиранием» и «прикровением», которое проводит Авишай Маргалит: «В психологическом и этическом смысле правильной моделью прощения является модель прикровения, а не стирания. То, что должно быть стерто из памяти, – это память, эмоционально воскрешающая пережитое событие, а не воспоминание о самом событии»⁵⁵.

В травматически расколотых обществах путь к правовому государству и интеграции идет уже не через забвение, как рекомендует Кристиан Майер, а через игольное ушко признания, проработки прошлого, памяти о массовых репрессиях – не для их длительной мемориализации, а для того, чтобы на этой основе строить совместное будущее. Политический ритуал покаяния и сочувственное участие общества в памятовании жертв дают возможность избавиться от бремени прошлого. Лишь на этой основе осуществимо новое начало, которое делает травматическую историю ушедшим прошлым.

Резюме

Памятование и забвение, как подчеркивал Ян Филипп Реemtсма, – это «свойства человеческой памяти, как таковые они не хороши и не плохи; обе эти способности лишь помогают справляться с жизненными обстоятельствами».

Три первые формы забвения в моем перечне – автоматическое забвение, сберегательное забвение и селективное забвение – ценностно нейтральны. Они акцентируют функцию забвения служить ментальным фильтром и обеспечивать материальную редукцию сложности. Следующие две формы – репрессивное и охранительное, а также совиновное забвение – имеют, напротив, негативную коннотацию. Здесь идет речь о забвении в качестве оружия, о бесшумных или агрессивных средствах удержания власти, о защите преступников и о стабилизации репрессивного социального климата. Обе последние формы забвения – конструктивное и терапевтическое забвение – характеризуются положительной коннотацией. Они связаны с ролью

⁵⁵ Margalit A. The Ethics of Memory. P. 208.

забвения в обращении с прошлым. В этом пункте намечается отчетливая смена парадигм, обусловленная изменениями глобального этоса: стирающее коллективное забвение, которое производит расчистку, устанавливая *tabula rasa* для нового начала, все больше уступает место терапевтической памяти, которая уже не перечеркивает и не отрицает воспоминание, а вбирает его в себя.

Наибольшая часть утрачивается. Таково древнее описание человеческой памяти, справедливое как для отдельных индивидуумов, так и для общества и культуры в целом. Память всегда ограничена, ибо базируется на кругозоре и опыте индивидуума и социальной группы. Чтобы разместить нечто в памяти, необходимы особые усилия. Но они того стоят. Ибо памятью рождается общность. Памятуют ради причастности к группе и ради того, чтобы продлить собственную жизнь в памяти социальной группы. Это понимал – хотя и в других исторических и технологических условиях – Бальзак: «Воспоминания украшают жизнь, зато забвение делает ее сносной».

1. Автоматическое забвение 2. Сберегающее забвение 3. Селективное забвение	Забвение как фильтр	<i>Нейтральное</i>
4. Деструктивное или репрессивное забвение 5. Охранительное или совиновное забвение	Забвение как оружие	Негативное
6. Конструктивное забвение 7. Терапевтическое забвение	Забвение как залог будущего	<i>Позитивное</i>

Семь примеров

(Не)видимость памятников: Музиль, Алёша и Карл Люгер

Музиль

Третья форма селективного забвения наблюдается в тех случаях, когда нечто обесценивается и перестает привлекать к себе внимание. Селективное забвение действует всюду, где внимание фиксируется на чем-то одном, из-за чего все остальное неизбежно выпадает из поля зрения, игнорируется и не замечается. Такое забвение, обусловленное политической и ценностной ориентацией, повседневной рутинной и привычками, может быть в любой момент прервано изменением обстоятельств. Новое знание, переосмысление прошлого или неожиданные новые события модифицируют процесс селекции и ведут к пересмотру наших представлений. Роберта Музиля заинтересовала форма селективного забвения, поэтому он подробно разобрал ту роль, которую здесь играет внимание. Свои размышления он изложил в коротком эссе о памятниках. В нем говорится о парадоксальности памятников в городском пространстве, которые Музиль рассматривает не с точки зрения тех, кто их воздвигает, а с точки зрения обычного прохожего⁵⁶. Он приходит к выводу, что послание, содержащееся в памятнике и обращенное к вечности, не достигает адресатов. Это относится не к тому или иному конкретному памятнику, а к любому из них, за исключением, пожалуй, башен Бисмарка⁵⁷ и ландшафтных памятников, которые служат излюбленной целью для туристов или прогулок местных жителей.

Памятники задумываются и устанавливаются для того, чтобы привлечь к ним устойчивое и долгосрочное внимание. Таков их смысл. Однако, по словам Музиля, «эту свою главную обязанность памятники никогда не выполняют». «Больше всего в памятниках бросается в глаза то, что их не замечают, – пишет Музиль. – На свете нет ничего, что было бы столь незаметно, как памятники. А ведь ставят их, несомненно, чтобы их видели, чтобы привлечь внимание к ним, но они словно пропитаны каким-то отталкивающим веществом, и оно, внимание, стекает с них, словно водяные капли с масляного покрова, не задерживаясь ни на мгновение».

Высказывание Музиля о «невидимости памятников» приобрело известность и стало крылатым выражением. Меньший интерес вызвала его аргументация, которая в нашем случае имеет особое значение. По мысли Музиля, парадоксальность памятников состоит в том, что они не только не выполняют своего предназначения (памятования), а производят ровно противоположный эффект (забвение): «Они отталкивают как раз то, что должны притягивать. Нельзя сказать, что мы не обращаем на них внимания; вернее было бы сказать, что они отвращают наше внимание, уклоняются от наших чувств: и в этом их совершенно положительное <...> свойство!» Уточняя свою мысль, Музиль выстраивает целый ряд синонимических выражений, обозначающих противоположный эффект, производимый памятниками; в том числе он использует оригинальное словосочетание – «отвращать внимание». Однако не только по этой причине эссе Музиля служит замечательным пособием по теории забвения. Оно содержит к тому же важный гештальт-психологический анализ селективного забвения, из которого выводятся весьма актуальные соображения об экономике внимания.

Памятники, по выражению Музиля, «словно пропитаны каким-то отталкивающим вниманием веществом», отчего внимание «стекает с них, словно водяные капли с масляного

⁵⁶ Музиль Р. Памятники // Музиль Р. Малая проза. Избранные произведения: В 2 т. М., 1999. Т. 2.

⁵⁷ Там же.

покрова». Подобный «тефлоновый эффект», как сказали бы мы сегодня, Музиль объясняет с помощью гештальтпсихологических понятий. То, что восприятие окружающего мира относит к стабильному инвентарю, прохожие, стремящиеся как можно скорее достичь своей цели и справиться со своими делами, автоматически считают «фоном» и не обращают на него внимания. Большой город рассеивает внимание человека множеством диффузных раздражителей, поэтому людям приходится проводить внутреннюю границу между выделенным объектом и фоном, между существенным и несущественным. Глаз учится распознавать объекты в определенных рамках восприятия, отбрасывая все ненужное и уводящее от дел повседневной жизни. Какими бы громоздкими ни были памятники, селективное восприятие автоматически причисляет их к «кулисам»: «Все, что образует стены нашей жизни, так сказать, кулисы нашего сознания, перестает играть в этом сознании какую-нибудь роль». Из сознания автоматически исключается то, что длительно и недвижимо. Это идеально-типически относится к памятникам, а также к повешенной на стене картине, которая за несколько дней «всасывается этой стеной».

Сатирическое эссе Музиля содержит вполне серьезные размышления об изменении моделей человеческого восприятия в условиях большого современного города. Он пишет о «веке грохота и движения», когда памятникам приходится выдерживать конкуренцию с развитием «современного рекламного дела». Скоростной транспорт и все более броские формы рекламы стали главными приметами большого города, определяющими наши повседневные впечатления и рамки восприятия даже в интернете. В конкуренции разнообразных сигналов, считает Музиль, памятники неизбежно проигрывают, ибо в них используется устаревшая техника привлечения внимания. Монументальности бесцветного камня, большого размера и неизменности во времени оказывается теперь недостаточно для запечатления в памяти, поскольку рекламные стратегии в производстве товаров массового потребления используют более эффективные способы привлечения внимания и воздействия на восприятие: «Почему фигуры мраморной группы не вращаются одна вокруг другой, как то делают фигуры в витринах дорогих магазинов, или по крайней мере не открывают и закрывают глаза?» Благоговейное оценивание, к которому приглашают памятники, стало полнейшим анахронизмом среди пульсирующих ритмов современного города и кричащей рекламы. Если памятники стоят неподвижно и молчаливо, слепо глядя вдаль, не в силах сделать ни шага, то жизнь вокруг бьет ключом и не обращает на них никакого внимания. В конце своего эссе Музиль приходит к выводу, что те, кто устанавливает памятники, вероятно, не глупы или бездарны, а скорее коварны: поскольку великим людям, которым ставят памятники, в жизни уже нельзя навредить, «их словно бросают с мемориальным камнем на шею в море забвения».

Музиль обличает с точки зрения модернизации архаичность памятников, поскольку они «предъявляют нам требования, которые претят нашей натуре». Скорее, им самим можно предъявить требования, диктуемые прогрессом: «ныне памятники должны несколько больше напрягаться, как это должны делать все мы. Спокойно стоять на дороге и принимать даруемые взгляды – это может всякий; сегодня мы должны от монумента требовать большего».

В своих размышлениях Музиль совершенно упускает из виду культурные, политические и социальные аспекты «работы с памятниками». Но памятник – это сложное творение, чье воздействие выходит далеко за пределы материального. Работа с памятниками не ограничивается его открытием, представляющим собой однократный исторический акт, который запечатлевается в социальной памяти надолго, а продолжается в виде ритуалов, которые периодически совершаются у памятника ежегодно или по юбилейным датам. С точки зрения культурной памяти (это понятие Музиль, будучи сторонником теории модернизации, вероятно, отверг бы) памятники являются долговременной формой сохранения, которые зачастую сочетаются с такими «повторяющимися формами сохранения», как культурные практики празднования дней рождения, юбилеев, исторических дат. Поэтому памятники нельзя считать лишь реликтами ушедшего прошлого и отчужденной от нас культуры, присутствующими в настоящем

лишь в качестве пережитка и анахронизма; памятники служат ареной для все новых инсценировок. Букеты, венки, торжественные речи пробуждают памятник от забвения и приковывают к нему внимание. Подобный акт торжественного внимания хотя и краток, быстротечен и эфемерен, он отчетливо указывает на невидимые нити, которыми тот или иной памятник связан с жизнью города и с памятью его обитателей.

Размышляя в 1927 году о памятниках, Музиль не учитывал и того, что памятники не только ввергают в пучину забвения героев, которым они посвящены, но и сами в периоды изменения политической системы подвергаются разрушению, сносу и забвению. Когда общество перенастраивает себя с одной политической системы на другую или видоизменяет свои идеологические и нормативные устои, жителям города становится невыносимо терпеть восхваление тех ценностей, от которых они уже дистанцировались и которые по мере новых начинаний хочется поскорее оставить позади. В результате разгорается борьба с памятниками, примеры которой знакомы нам по событиям после крушения Советского Союза во многих постсоциалистических странах. Не только властители бывших стран Восточного блока попали в немилость граждан, но вместе с ними и исторические герои, и ассоциирующиеся с прежним режимом фигуры, памятники которым занимали почетное и видное место на улицах города. После 1989 года статуи Маркса и Ленина сбрасывались с постаментов, площади и улицы переименовывались.

Но проблема с повсеместной заменой памятников и обновлением не так проста, ибо памятники, хотя и сделаны из камня, являются объектом, требующим к себе весьма деликатного отношения; ведь их притягательная сила не признает политических границ и смену режимов, с трудом поддается контролю. Это в особой мере относится к тем случаям, когда речь идет о памяти погибших. В качестве примера можно назвать берлинский мемориал советским воинам в Трептов-парке, воздвигнутый в 1949 году в начале холодной войны. Мемориал посвящен памяти 80 тысяч красноармейцев, павших в боях за Берлин. Одновременно мемориал является солдатским кладбищем, где захоронены 7000 советских солдат. После объединения Германии правительство ФРГ взяло на себя обязательство по отношению к Российской Федерации сохранить кладбище, осуществлять постоянный уход за ним и проводить необходимые ремонтно-восстановительные работы. Начиная с 1995 года здесь ежегодно 9 мая проходят торжественные мероприятия в память об окончании войны, на которые собираются самые разные группы общественности. В 2015 году, когда отмечалось 70-летие окончания войны, мемориал в Трептов-парке собрал 10 тысяч человек. Активная фаза жизни этого мемориала не завершена; его история не осталась позади, ей еще предстоит долгое будущее, ибо мемориал продолжит играть свою роль в развитии российско-германских отношений. Но пока мемориал не служит местом регулярных встреч высших политических представителей обеих стран. 9 мая 2015 года Ангела Меркель и Владимир Путин на торжествах по случаю 70-летия окончания войны почтили вместе память жертв Второй мировой войны, возложив венки к могиле Неизвестного солдата в Москве.

Алёша

Памятники можно считать недвижимостью, поскольку они привязаны к определенному месту. Это утверждение тривиально. Однако Музиль осудил памятники за их недостаточную мобильность: «В руках развевается флаг, а ветра нет. Меч обнажен, а никто не боится. Рука повелительно указывает вперед. Но никто не помышляет следовать ей. Даже конь с раздувающимися ноздрями так и остается на задних копытах. <...> скульптурные фигуры не делают ни шагу». Но есть памятник, который привлек к себе всеобщее внимание как раз тем, что был перенесен на другое место. Я имею в виду бронзовую фигуру русского солдата Алёши, которая, подобно памятнику в Трептов-парке, символизировала победу Советской армии над

нацистской Германией и которую в 2007 году переместили из центра Таллинна на солдатское кладбище на окраине города.

Там, вдалеке от городской суеты, он, опустив голову, смотрит на могилы павших русских солдат. Население города многонационально: 30 % жителей – русские, 40 % считают русский родным языком. Неудивительно, что перемещение Алёши из царства живых в царство мертвых вызывало среди русского населения города значительное волнение. Перемещение монумента показало, что он до сих пор связан невидимыми нитями с сознанием горожан. Разразился скандал, повлекший за собой затяжную дипломатическую напряженность; инцидент оказался для монумента тестом на сохраняющуюся эмоциональную значимость и актуальность его политического послания. Монумент, стоявший в непосредственной близости от музея, рассказывающего о страданиях эстонцев в годы советской оккупации, являлся для многих из них камнем преткновения; русские жители Таллинна, напротив, идентифицировали себя с этим монументом. Памятники, по мнению Музиля, претендуют на вечность совершенно необоснованно. В случае с Алёшей вечность памятника, участвующего в живой жизни города, заменили на кладбищенскую вечность. Но памятники далеко не так безобидны, как считал Музиль. Они могут стать возмутителями спокойствия, сделаться политически нестерпимыми, послужить поводом для публичного скандала и общественного конфликта. Так или иначе, внимание им обеспечено.

При ниспровержении памятника цоколь обычно сохраняется, поскольку его используют для тех, кто после смены политического режима возвращается из опалы и забвения, получает признание и известность. Политическая переориентация конструктивной формы забвения в случае нового начала требует решительно выбора между «за» и «против», а это ведет к тому, что новая система во всем заменяет старую. Проблема здесь состоит в том, что вместе со сплошной расчисткой прошлого уничтожаются и следы истории. Но в конкретной ситуации памятование и забвение редко находятся в состоянии абсолютного взаимоисключения. Забвение имеет немалый спектр различных градаций, переходных моментов и оттенков. В качестве такого переходного момента я бы назвала «историческое воспоминание», находящееся как бы на полпути между памятованием и забвением. В публичном пространстве различаются по меньшей мере три опции:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.